ПАРТНОЙ

ВОЙТ СОДОЯЯ

ПАНТЕОН

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Казино

По-японски поприветствовавшись с улыбчивым крупье, я показываю, что мои рукава пусты, и сажусь за стол. Передо мной три лица, и я совсем не понимаю, во что мы будем играть; но лица хмуры и встревожены, как незадолго до грозы встревожены растения в саду. У них ужас рвётся наружу, алкоголь, который они пьют между репликами, делает их глупыми. Обвисшие щёки вторгают в меня злые подозрения касательно их честности; к тому же рядом с ними стоят два крепких мужчины, и я почему-то уверен в том, что они имеют при себе огнестрел. Глупо было бы не иметь его, играя с человеком, полностью похожим на Язона ДинАльта.

Кира Бабушева

I. Трупный возраст

День рождения Киры был угрюм. Она только зашла в квартиру, её чёрные густые волосы были мокрыми и свисали космами по спине.

Отец поднёс ей торт на кухонном табурете. Натыканные пятнадцать раз, в нём горели парафиновые свечи. Кира смотрела на торт, как лань смотрит на умирающего льва.

Кира перевела взгляд на окно, в которое целился дождь. Капля сливалась с другой каплей, и создавались длинные и полные, как пузатые колбы. Отец с печальной ухмылкой сказал: «Задувай свечки».

У отца был грубый тембр голоса, свойственный охотникам. Действительно, отец Киры, Николай Бабушев, был охотником-любителем; он хранил в сейфе оружие, матово-серое охотничье ружьё «Hatsan». Знала ли Кира о этих увлечениях? Конечно, так как лично присутствовала на охоте, по вторникам гоняемая отцом.

Она задула свечи с третьего раза, рассмеялась через силу и сказала отцу, чтобы тот принёс нож. Отец вернулся, и они поели торт за диваном. Темнело рано — у Киры день рождения в декабре. Николай, чувствуя, что отпраздновал знамение, снял белую рубашку и включил старый квадратный телевизор.

В этот момент Киру пробрало тревожным сном: большие глазки слипались, осанка более не держалась. Она ушла. Вообще стоит отметить, что Киру смущал вид расслабленного отца, который всегда ходил без штанов и выпячивал пивной живот. Когда отец её пил, он часто входил к ней в комнату и расспрашивал; интересовался её школьной жизнью, спрашивал о мальчиках и женихах. Кира отвечала, что всё хорошо, а на личном фронте всё… как обычно.

Четырнадцать лет она вела спокойную и депрессивную жизнь, о коей мечтают гиперактивные взрослые. Кира не знала ничего толкового, ничему не училась и ничего не хотела. В десять лет, когда Кира потеряла свою матерь, умершую на больничной кровати, отец взял всё воспитание дочери на себя; перестал пить, но не полностью; участил с охотой, пропадал на ней. Целыми днями Кира просиживала за стареньким японским монитором «Sony» за просмотром документальных фильмов о природе Африки. (Она мечтала посетить Африку.)

И вот сегодня ей пятнадцать. Она заметила за собой, что в последнее время увлеклась чтением архивных дневников людей, чьи жизненные цели базировались на смерти. В отличие от странной и непонятной ей особенности девочек-сверстниц, когда те выделяют цитаты яркими водянистыми маркерами, — Кира переписывала понравившиеся высказывания в личную тетрадь, которую хранила в двойном дне прикроватной тумбочки. Однажды отец обнаружил тетрадь и взял её в

руки, и в тот самый момент Кира вошла в комнату, с обмотанными полотенцем волосами, пахнущая мужским шампунем, и, молча глазея на Николая, ломала руки. Отец с виновным видом положил тетрадь на тумбочку и сказал: «Сложи».

Не это ли страшная жизнь, думала Кира, прижимая приклад к хрупкому плечику. Затем звучал выстрел, какой-то белый заяц, которого так обожал обзывать Николай по-всячески, взвизгнул и упал замертво. «Ты молодец, — говорил отец, — ты даже не рюмсала».

На свой прошлый день рождения Кира увидела ужасно тронувшую её картину: как Николай, стоя на коленях у едва освещённой свечами прихожей, плакал, сложив ладони, смотрел вниз, но изредка поднимал голову на икону Богоматери, и снова плакал. Кира убежала, когда услышала протянутое, умоляющее «Настенька».

Анастасия Бабушева растила Киру доброй и порядочной девочкой, как она говорила сама. Учила, что нужно слушать старших и будущего мужа, не встревать в неприятности и был учтивой, послушной, склонной к смирению. Анастасия слушала христианские аудиокниги на своём аудиоплеере, который ей подарили Кира и Николай Бабушевы в больнице.

Однажды поздним вечером врач позвонил Николаю и уведомил его: жене становится всё хуже и хуже. Кира спала, но проснулась от навязчивого громкого голоса отца. Она подбежала к дверям, присела и начала подслушивать. (Кире не были известны подробности о состоянии мамы, поэтому услышанное далее повергло её в потный кошмар.) Николай в спешке проговорился о многом запретом.

Кира встала, несколько секунд посмотрела во тьму, сгорбившись, а после заплакала.

Первого июня Анастасия Бабушева умерла. Николай в день похорон нервничал и кричал на Киру, отчего та обижалась. Она сбегала из дому и направлялась к Евгению Роговицыну, её однокласснику, который тайно питал к ней любовные чувства и увлекался инженерией. Если Женя не мог принять Киру, она пробегала одну улицу и заворачивала за угол, где небольшой частный дом приветливо светился фонарями; там жила её подруга детства, младшая на год, София Спасова.

— У меня мама умерла! — заплакала Кира в объятиях Сони.

Соня обнимала в ответ, даже не совсем понимала происходящее в силу возраста, и отвечала:

— Кирочка, может, она спит?

II. Трупные дела

Николай Бабушев подошёл сзади и, уклончиво промолчав на вопрос Киры о любви, выпрямил её ручки, держащие ружьё.

— Не соскальзывай с цевья. Увидишь зайчика — не стреляй, подойди ближе. Когда он начнёт убегать — нажимай на курок, дави со своей силы.

Так и происходило: точь-в-точь. Зайчик падал, некогда белая макушка зайчика — краснела. Кира долго смотрела на убитого ею зверя, разглядывала оцепеневшее тело. Но крепкая рука отца, опускаясь на спину, лишала раздумий.

— Это охота. Тут заяц может схватить тебя.

Кира хмурила брови совсем не в детском недоумении:

— Заяц не может, он маленький.

Николай Бабушев так терял весь настрой: его дочь отрезвляла будни. Становилось как с похмелья.

Что же сложного в этом — стрельбе? А сложно, впрочем, всё вышесказанное, так как тринадцатилетняя Кира, вытянутая из уютного гробика, видела смерть.

И на следующее утро, когда Николай готовил манную кашу, Кира забежала, ещё мятая после сна, на кухню:

— Папа, я не пойду на охоту.

Он оборачивался и смотрел на неё растерянным взглядом.

— Доброе утро! Почему? Куда ты денешься от охоты?

— Мне приснилось, что в меня стреляют... Пап, я не пойду.

— Пойдёшь. Научись стрелять, Кира.

— Для чего? — нервничала она, — я не хочу! Мне страшно стрелять!

Ещё несколько минут он мыл посуду.

— Папа, я не буду. Я не буду одеваться. Мне всё равно. Ты слышишь?

— Я не знаю, что с тобой сейчас сделаю.

Кира тут же затыкалась и краснела, как раскаляющийся металл. Её кулачки слабели, становились ватными, опускались в пальцы. Забегая в свою комнату, Кира смотрела в окно через жалюзи, потом снимала с себя верхнюю одежду и падала на диван, долго лежала в одной позиции. В голове проплывала картинка ружья. Отец говорил, что ей нужно просто научиться стрелять, но она понимала, что учиться ей нечему. Это уже поражение — научиться стрелять.

III. Трупное рвение

После трёх месяцев с дня рождения Кира вышла на улицу и направилась сгорбленной походкой в сторону одноклассника Жени. Они созвонились, договорились о встрече.

Евгению было пятнадцать уже как полгода. С первых классов школы они дружили с Кирой — приятельские отношения родителей так послужили.

Женя, выйди под подъезд

Так достать канифоль?

Потом

Кира и Евгений виделись, приветствовали друг друга. Он проводил её на пятый этаж своей квартиры, где никого не было.

— Да, доставай канифоль, — улыбалась Кира.

— А с чего ты так? — удивлялся Женя. — Интересно стало? Я тебе предлагал; ты говорила, это не интересно.

— Я не знаю, мне стало интересно. Я хочу научиться… Просто хочу учиться новому.

Евгений Роговицын приготовил паяльник, канифоль и олово. Они уселись за кухонным столом, он постелил на стол большие плакаты газет. Кира села, подогнув одну ногу под себя, а другой болтая навесу.

Евгений смотрел на её ноги: не бреет. Странное чувство наполнило его. Тяжело было ему справиться с мыслями своими: «Ей всё равно, наверно. А и толку брить ноги? Я тоже не брею… Но я знаю, что девушкам положено брить. Одноклассницы бреют».

Кира вырывала его:

— Женя.

Он улыбался и объяснял устройство паяльника, рассказал про олово, флюс и пайку. Потом они вместе колупали кристаллики. На Киру падал дневной свет, затеняя длинные бретельки на спине, она опёрла голову под ладонь, чёрные расхристанные волосы повалились направо, в сторону Евгения.

Он предложил попить чай, но Кира Бабушева вежливо отказалась и ушла.

***

Она звонила Соне:

— Привет.

— Привет. Кира, я тебя вчера видела, ты к Жене ходила.

Соня имела блеклые русые волосы, отдающие каким-то молочно-жёлтым цветом; совокупление родственных генов на голове. Весёлая девочка и подруга детства, София Спасова угощала Киру дешёвым попкорном в красных цилиндрах, а в школе занимала должность старосты.

— У тебя остался номер Морфины?

Соня дала номер учительница химии. Они ещё поговорили полчаса — Кира пересиливала себя, когда Соня стала неинтересна.

— Выйдем сегодня на улицу? — спросила Соня. — Я вынесу ракетки. Мы давно не выходили. Тем более, что сегодня солнечно.

— Хорошо, выйдем. — Кира о чём-то задумалась и вдруг рассмеялась: — Не обращай внимания!

***

Ночью Кира позвонила Зое Морфине. Старая женщина с голубиным клочком волос сняла трубку:

— Кто это?

— Бабушева, Кира, десятого класса. Мне очень нужно с вами встретиться.

— Что случилось?

Кира сморщилась и сказала сдавленным голосом:

— Пожалуйста, останьтесь после уроков. Я приду в пол пятого.

— Кира, что случилось?

— Всё нормально. Мне нужно поговорить с вами, как женщина с женщиной. — И бросив трубку от своей, как ей показалось, нелепой реплики — Кира тихо засмеялась, надувая щёки.

IV. Трупный образ

На бледном овале лица находятся карие глаза, её маленький нос, припухлые, но остающиеся в пределах естества, губы. Светло-чёрные волосы, взбитые пушистыми локонами, ниспадали неравномерной чёлкой на молодой лоб. Щёки, через кожу которых едва-едва видны кости скул, превращаются в луну, когда Кира улыбается. Тем не менее, шея красиво опечатана складками в виде колец. Тонкие худые плечи уходят вниз, в обтянутые руки; запястья не то чтобы полные, но имеющие выступающую косточку. Когда жарко, вены выходят по её нагому телу явственно и свободно. Ниже ключиц, выделяющихся ямками, растёт небольшая грудь, притупляемая стягивающей одеждой. Красивые рёбра, под ними — отсутствуют бока. Узловатый пупок напоминает ракушку, выкинутую на берег приливом, ниже выпирающий таз, напоминающий овечий череп. Выбритый голый лобок стекает в ноги: ляжки и алые коленки, постепенно сокращающиеся. Маленькие пальцы двигаются с обратных сторон стоп. Красивая, как лейкемия. Надевая чёрную юбку до колен — она просвечивала и дышала. Воздух забегал под одежду, но никогда не хотел пристыдить Киру. Розовые ногти блестят на солнце, при ходьбе, приближённые к лицу. Влажные от травяного сока ладони трутся одна об другую, на них прилипают песок и щебень. В волосах запутывается упавшая с абрикосы гусеничка, но Кира не может об этом знать. На поясницу приятно надавливает чья-то рука. Кира не может сдержать истомную улыбку. Коленная чашечка кровоточит после падения с велосипеда, а лето припекает её, отчего кровь багровеет; всякая кровь, даже менструальная, Кире подходила.

V. Трупные слова

Всё начинается так, будто бы в голове перегорает лампочка.

История поисковика свидетельствует о сомнительных интересах, поднимаются потонувшие темы, нераскрытые убийства, маниакальные термины. Наизусть изучается биография советских серийных убийц. Со стороны кажется, что Кира — одержима подростковой тягой к запретному. Оно так, наверно, и есть; просто под айсбергом гнилая

плоть.

Иногда она спешила:

— А вы знали, — обратилась Кира к учительнице химии, — насколько опасны могут быть бытовые химикаты? Почему так просто создать взрывоопасные вещества?

Зоя смотрела на неё странно и однолично — они находились наедине, после уроков. Затем отвечала:

— Я знаю, как никто другой.

— Ацетон. Расскажите про него?

— А зачем тебе ацетон? — Следовала пауза. — Это растворитель. Его используют в красках. Поэтому краска хорошо горит.

— Ацетон нельзя смешивать с перекисью водорода, — добавила Кира.

Зоя Морфина задумалась.

— Я где-то слышала, — продолжала Кира, — что так может получится… пероксид ацетона.

— (Морфина не скрывала подозрение) Может получиться. Только с кислотой как катализатором... Знаешь, что такое катализатор?

Кира отвела взгляд.

— Сравнимо с тротилом?

Учительница помолчала и выдала без улыбки:

— Не знаю, Кира. Я не террорист...

***

Женя обнял её. Приятно обнимать Киру при встрече — она приятно пахнет.

— У тебя папа в детстве любил фейерверки, так?

— Да. Я тебе говорил. Я же тебе показывал. Он коллекционирует упаковки.

— А он не коллекционирует петарды?

— Нет.

Кира переводила тему. Иногда она улыбалась, глядя на сокращающийся, едва видный кадык.

— Я читала, что раньше была популярна «киса»…

— Что?

— Ты не знаешь? Это… такое название пероксида ацетона. Его делали во времена молодости наших родителей. Твой папа делал?

— Не знаю. Он мне рассказывал, как кидал шифер в костёр, рассказывал про натрий: кидаешь натрий в воду — взрывается.

Кира Бабушева слушала его без интереса. Её лицо изображало готическое отвращение.

— А «кису»? Спроси у папы про неё.

Евгений Роговицын кивнул. Просьба Киры — это что-то стоящее. Когда они разминулись, Евгений позвонил пьяному отцу. Разговор не клеился. Но в какой-то момент он ответил на вопрос сына.

Евгений набрал Киру:

— Да, они делали «кису». Это смесь из… (он посмотрел на листочек) ...ацетона, перекиси водорода и серной кислоты. Это они так делали. Я почитал, и там не только серная кислота.

— Я сама знаю, что не только серная.

— А что хочешь от меня?

— У папы получалось варить «кису»?

— Да.

— Она взрывалась сильно?

Евгений улыбнулся:

— Папа был пьяный, я не понял большинства слов… Но он сказал, чтоб я не вздумал ничего пробовать делать; просто я знаю, что у него в гараже стоит электролит.

— Спасибо, Жень, — сказала Кира и поцеловала динамик.

***

Написано легко — ледяная баня, процентные концентрации того или иного вещества. Но Кира же не воровка? Или какая разница?

«Он меня любит, не откажет».

А сзади, неся поднос с борщом, показался Николай Бабушев. Кира вспомнила про сейф:

— Пап, начали комиссии приезжать. По ружью. У нас всё хорошо?

Он отвечал на отстань.

— Ты его держишь закрытым?

— Там нужно менять сейф. Он открывается… Но это я знаю, как открыть. Инспектора не откроют.

И садился, ел.

Кира шла к сейфу, стоящему на балконе, оглядывала его, пыталась одёрнуть дверки — ничего не выходило.

Она шла в свою комнату.

Там, подостланные под матрас, лежали маленькие листы бумаги: Кира рисовала схемы. Она достала одну такую. Изображение чёрной ручкой, тщательно наведёнными линиями: три компактных трубы соединены медью и изолентой. Стрелочка ведёт из отверстия трубы вверх — надпись английскими: «ТАТР». Кружком она обозначила капсюль; стрелочка вверх — надпись: красный фосфор, марганцовка.

VI. Трупное зрение

Приближался апрель, когда Кира шла по весенней тропе вместе в Евгением. Её волосы заплетены на скорую руку, обёрнуты чёрной резинкой; такой, что не видно, если не всматриваться.

Кира глубоко дышала. Весна на дворе. Каждое живое дерево на вершине цветения, зелено, как вены. Домашние животные сходят с ума, а дикие бродят под балконами. Небо дышало на ладан. Паркий воздух заставил Киру расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки.

— Смотри: ты замечаешь, как появляются эти точки? — спросила

Кира, указывая на усеянную чернильными точками ладонь.

Евгений пожал плечами.

— Жень, — подвела Кира, — пошли к тебе. Я руки помою. У нас воды нет.

Обрадованный, Евгений соглашался:

— Конечно, пойдём. По просёлку.

Они проходили сотню метров городского массива и сворачивали на пригород. Евгений Роговицын жил в посёлке, в красном дачном домике. Не тужил, помогал матери, отцу, маленькой блондинистой сестре. Мать держала гусей, каждую субботу ездила на базар. Отец пропадал в гараже, подавал признаками болезненного рыбака. Сестра — обычная сестричка: когда утереть слёзы, когда подать игрушку. На данной почве, несомненно, у Евгения появились интересны механические и инженерные.

Евгения можно понять, думала Кира, улыбаясь дешёвому барельефу забора. Скрипела калитка, пропускала их. Родители Роговицына знали о таком персонаже, как Кира, поэтому приветливо не удивлялись. Отец с матерью дома, занят; сестра, говорит Евгений, у бабушки.

«Мне ничего не стоит это сделать», — отвечала Кира своим мыслям.

Она кинула рюкзак возле себя и подставила руки под холодную воду, выливающуюся Евгением. Затем он куда-то запропастился. Кира зыркнула во все стороны и, убедившись, что никого нет, пошла вперёд, к гаражу, мирно стоящему в забористых деревьях; Кира не всматривалась, что растёт. Пахло диким виноградом. Проскользнув, как рыбка меж камней, в ворота, Кира огляделась: не так легко отыскать электролит среди канистр, никак не подписанных для удобства подобным смышлёным девочкам. Для неё были неизвестны как запах, так и вид серной кислоты.

Встречались с Евгением, обнимались, прощались. К тому времени руки Киры высохли и скрипели.

***

Стало понятно: серная кислота не пахнет и не отличается от воды.

Напрямую спросить у Евгения про её местонахождение заманчиво, однако сколько можно неаккуратности? Кира не отрекалась от данной идеи; вторая ей нравилась меньше: окунуть деревянный брусок и дождаться обугливания.

«У меня, что, времени много? У меня вообще его нет. Апрель кончается».

Евгений звонил ей, она не брала. К Соне перестала ходить. Общение с отцом длилось минуты.

В открытом дневнике, где Кира принялась читать домашние задания, красуется двадцать седьмое число апреля. Это погрузило её в глубокую тревожную задумчивость; ведь с недавних пор Кира начала вести обратный отчёт — с шестнадцатого марта по шестнадцатое мая. Второе — день знаменательный. А что было готово к двадцать седьмому?

Ничего толкового. Одни лишь знания.

Кира с решительностью встала и одёрнула юбку. «Я, — говорит, — устрою вам всем».

Смотря на её милое лицо, понимаешь, что боятся нечего.

За окном тлел вечер. Для Киры это время поговорить с собой. Её мысли несколько неустойчивы: «Я пойду завтра к Жене и скажу ему, что мой папа попросил у него сто миллилитров серной кислоты. Он поверит мне, а даже, если не поверит, не сможет отказаться. Я поцелую его или обниму. Поцелую, наверно».

В другой комнате звучал старый телеканал. Родной дублированный голос. Знакомая где-то во сне музыка. Кире было бы невероятно истомно сейчас повалиться на кровать, укрыться тонким синим пледом и растягиваться, сладко зевая, под дождь.

Кире было бы невероятно истомно… но сейчас столько навалилось на неё. Эти мысли нельзя смахнуть, как листок, упавший с осеннего каштана. Эти мысли не под кожей, не внутри человека, не внутри головы. Это — мироустройство. Если кому-нибудь доводилось видеть то поведение ребёнка, при котором он не совсем осознаёт глубину собственного морального угнетения, то тому станет ясным и настроение Киры.

Дижение глаз вырывает во внимание новое, взятое из бессознательного. Мёртвый человек (мозг которого не питается кровью, но ещё тёплый) видит не глазами, а той частью, в которой воображение.

Кира закрыла глаза — ничего не видно. Мигают и вспыхивают кремовые звёздочки, но их почти не различить. Она что-то представляет: руки. Действительно, не перед глазами, а где-то глубже — там она сейчас находится. Пальцы нанесли на блокнот рисунок: толпа сгорбленных людей, а посередине толпы — горит человек.

***

Опрятно одетые, ухоженные своими заботливыми матерями, девочки стояли у школьных дверей и курили.. Киру узнали, посмеялись: подходи, мол, Кирочка, к нам. На школьном дворе камеры видеонаблюдения напрочь отсутствуют.

Кира обняла одну высокую девочку с толстым рюкзаком; от неё пахло потом.

— Физкультура? — спрашивала Кира.

— Была.

Она поворачивалась и смотрела: две долгие линии клумб. Как хорошо, что школа не устанавливает металлоискатели и не приглашать ЧОПы.

— Я ничего не сдам, — говорила девочка с зубной малиновой пластиной.

— Я буду сдавать химбио.

— Ты что сдавать будешь?

— Метафизмат, — ответила Кира и улынулась своей шутке.

На неё посмотрели странно.

VII. Трупный кризис

Точно можно сказать: нельзя оставаться наедине человеку, болеющему чем-то непонятным. Кира осталась. Было воскресенье. Отец ушёл в магазин ранним утром, пришёл радостный и тихий — с водкой.

Кира ненавидела алкоголь. Правильнее сказать — как? — ненавидела пьяных людей, чей язык заплетается, чьё лицо розовое и обвисшее, чьё настроение колеблется между душевностью и слепой агрессией. Сколько она надышалась этим дымом сигарет на кухне, видя оголённый торс отца, видя его, сидящего с унылым видом перед ней и задающего острые неразумные вопросы ей, возможно, двенадцатилетней.

Николай Бабушев становится разговорчивее, но настырнее. «Отстань, папа. Отстань от меня». Когда было совсем тяжело и бездушно, Кира целовала крестик и читала на задней стороне распятия «спаси и сохрани».

Николай позвал дочь к себе ласковым «Киря». Он сидел на унитазе со спущенными штанами, с сигаретой в зубах. Его руки тряслись, а у губ застыла белая пенка. Он попросил Киру помочь ему закурить. Кира брала зажигалку с пола, несколько раз вхолостую крутила барабан, натирая нежные пальцы о шершавую поверхность. Затем газ загорался.

Николай благодарил Киру и кивал.

— Пап, — сказала она, прислонившись спиной к холодному кафелю, пересиливая себя, — я хочу на охоту.

Загоралось в глазах Николая. Он прерывал свой нудный, но разгорячённый разговор о стеклянных глазах наркомана, подымал на Киру удивлённый косой взгляд.

— Пошли, — поднимался он с унитаза, — пошли.

Сейф, стоящий на балконе, казался таким маленьким и беззащитным перед громадной, шатающейся фигурой пьяного охотника. Что он мог защитить? Николай, обрадованный данным известием, на почве алкогольного помутнения, ковырял замок. Когда не выходило, он злился и матерился, да так громко, что Кира боялась.

У Кирочки билось сердце. Она, когда папа не видел, держалась за него. Стараясь не смотреть на сейф, Кира разглядывала ярко-голубой небо и серо-ледяные облака. Звучал щелчок, по телу девочки разливалось возбуждение.

Николай победно простонал и еле встал с ватных ног.

«Ну, вот… Добрые руки подают мне кирпичи, а я строю ад».

***

На бумаге Кира нарисовала чьё-то мужское лицо. Истребила его ножом. Просто так было зло на душе!

***

Просмотренные видео на различных платформах вызывают ненависть. Чистую, обезьянью ненависть, сравнимую с болью воспалённых дёсен. Кира, если довериться здравому смыслу, была не в силах объяснить свой антисоциальный парадокс, наоборот — подавляла совесть, ум. Новое мышление было так необычно, так сладко, что она приняла его. А известно: принятие определённой философии для человека верного может быть фатальным. Киру можно было назвать верной.

Подойдя к комоду, она достала оттуда аккуратно сложенное Николаем чёрное платье. Кира расправила его на вытянутых руках и оглядела: слегка мятое, очень чёрное, такое, какими бывают стёкла на мобильных телефонах. Отведя взгляд в сторону, Кира задумалась о чём-то облачном и скором, а затем вышла с ним из комнаты, прошлась до кухни и обратно, таким образом убедившись, что отца нет (в чём она и так была уверена.) Девочка стала перед большим зеркалом, разделась и сначала примерила платье на нагое тело, как бы осматривая фасад; потом надела полностью, покружилась.

«Какая я красивая в нём», — подумала Кира. Не хотелось более снимать платье, это великолепное платьице. Оно так согревало её грудь, живот.

VIII. Трупная печаль

Проснувшись однажды утром, тридцатого апреля, в сонной жёлтой темноте, Кира вышла из комнаты и увидела отца, собирающего ей портфель. Тот складывал стопки книг, одну за другой окунал облицованные обложкой тетради, помещённые в специальную папку с начальных классов. Какая хорошая память, подумала Кира, и пошла в туалет. Вернувшись, она, растирая слёзные заспанные глаза, спросила:

— Сколько время?

— Без двадцати семь, — ответил Николай.

Кира подошла ближе, заправляя прядь за ухо.

— Папа, положи мне литровую бутылку. Только не набирай воды.

Он поднял грузный взгляд на дочь и спросил в ответ:

— Почему не набирать?

— У нас в школе поставили кулер с очищенной водой. Не хочу пить нашу кипячённую.

Пролетело несколько часов. Кира шла по мокрой земле, в кофте, ибо холодно было после дождя. Одноклассники, появившиеся после перехода порога класса, кажутся дальними героями сновидений, сочувствовавшими в иррациональных убийствах. Она снимала кофту, так как класс тепло отапливался, проходила к первому ряду и предпоследней парте, садилась.

Тараканом по классу передвигался Олег Нанков — классный руководитель. Он подошёл как-то к Кире и спросил гейским голосом:

— Что ты, голодна? — И показывал бутерброд, смятый в

целлофановом пакете.

— Нет, — отвечала Кира, — не голодна.

Одноклассники смеялись, сгорбленные за телефонами. Настал урок физкультуры. Большая часть класса на перемене пошла в раздевалку, остальная осталась внутри, не смущаясь показать нижнее бельё и себя, заплывших жиром. В основном, это были двоечники и одинокие компании девчонок, не принятые другими. Кира переоделась в классе.

По звонку класс вышел на улицу. Учительница физкультуры подошла через несколько минут, с мячом подмышкой, со свистком, в голубой расстёгнутой олимпийке и лосинах.

Бежали второй круг вокруг стадиона. Заядлые и спортивные впереди, треть класса плелась сзади, а Кира, с бутылкой в руке, так и вовсе делала вид, что пьёт воду, что болит бок и что запыхалась. А когда подошло время третьего круга, прямо возле учительницы Кира споткнулась об асфальтовый бугор и упала, разодрав алую коленку. Несколько одноклассниц остановились, испуганные. Подбежала учительница и, осмотрев рану, сказала Кире пройти в санчасть. Она, в свою очередь, улыбалась и твердила, что всё хорошо.

— Бабушева упала, — говорил кто-то в толпе.

— У неё косоглазие...

Кира вошла в школу. Приятная прохлада овеяло тело, но рана была не притворной и щипала. Миновав коридор, она постучала в белые двери и одёрнула ручку.

Старая медсестра приказала Кире сесть на кушетку, а сама что-то говорила, даже бурчала, про неаккуратность, про спешку и проч.

Медсестра приготовила перекись водорода, достав его из небольшой отсека в медицинской тумбочке, а затем отошла, подняв указательный палец вверх и приоткрыв губы в какой-то ужасной оплошности. Ничего не сказав, она ушла.

На такое стечение обстоятельств Кира надеялась? Не совсем... Но она тут же подскочила и перелила перекись водорода в бутылку.

Услышав далёкие шаги, Кира испугалась и вернулась на место; медсестра не возвращалась ещё несколько минут.

Удивительно, но в какой-то момент Киру пробрало печалью от собственных действий. Она встала и пошла прочь. Поднявшись на второй этаж, Кира открыла незапертые двери класса и спрятала бутылку в боковом кармане рюкзака.

IX. Трупные трудности

Смотря на прозрачную мутную канистру с серной кислотой, украденную из гаража отца Евгений Роговицына, Кира ощущала себя несколько надломленной, исковерканной, вывернутой наизнанку. То есть не было привычной депрессии внутри, именно в органах, в мясе. Кому-то привычна пустота, кому-то привычна депрессия, о коей ведётся описание; а Кира, перестав вдруг чувствовать грусть нутра, испуганно

сглотнула.

Вокруг все за ней следили — отец обо всё знал, одноклассники всё знали, матерь с небес — тоже всё знала… По ночам на Киру опускалась страшная паранойя.

На самом деле, подозрения от отца действительно появились, однако позже домыслов. Вот как это было.

В субботу Кира рано утром разогрела бутерброд, оделась и вышла на улицу. Вернулась в знойный полдень — из открытых на проветривание окон слышались визг детей и шум электрических пил, в общем будничное совокупление звуков. Отец вышел в прихожую, когда Кира снимала обувь, и учуял затхлый запах. Спросил Киру за бензин: что-то первое, возникшее в голове. Кира отмолчалась в первый раз, а во второй сказала «потом».

В своей комнате она села за стол и задумалась: серная кислота в виде электролита никак не может считаться чистой. Было написано: грязные компоненты при синтезе пероксида ацетона могут не сработать, и реакции попросту не произойдёт. Следовательно, нужно было выпарить серную кислоту с помощью способа, вычитанном Кирой на одном старом белорусском форуме, а именно — нагреть серную кислоту в ёмкости до температуры кипения воды, таким образом избавившись от второй. Известно: серная кислота невероятно ядовита при испарении. Нужны очки и перчатки очень желательны.

Перчатки нашлись быстро, самые обычные, из аптеки. Очки тоже можно было соорудить из солнечных добавлением некоторых деталей. Не забыть про респиратор; хотя Кире, в общем-то, незачем жалеть свои лёгкие или глаза. Жизнь определена, но если из-за неаккуратности во время выпаривания Кира получит повреждение, она не сможет его объяснить и надолго сляжет или в больницу, или на кровать собственной квартиры. Кому нужно такое счастье? А кому-то, впрочем, жизненно необходимо.

Собралась, пошла. Поставив на кирпичи канистру, уже в перчатках, Кира отворила защёлку и вылила серную кислоту в большую приготовленную цинковую каструлю. Кира развела костёр под кастрюлей, который горел очень интенсивно благодаря промоченным бензином тряпкам.

Респиратора не было, ибо Кире так хотелось заняться глупость. Очков тоже не нашлось на её милом лице. Открытая местность позволяла убежать от возможной экзотермической реакции.

Серная кислота начала кипеть, густые пузыри поднялись наверх. На десятой минуте копоть вознеслась на небо, не менее густая, чем пузыри. Кира отошла и принялась наблюдать…

Кастрюля наполовину опустела, копоти стало меньше. Кира подбежала ближе и просунула в ручки кастрюли длинный сук, с помощью которого сняла её с костра. Кажется, это была концентрированная серная кислота, которую, дождавшись охлаждения, Кира перелила обратно в канистру.

***

— Привет, Жень! — начала Кира, запыхавшаяся, но очень весёлая.

Евгений не ожидал такой радости в её голосе и ответил смущённо:

— Привет.

— Жень, моему папе нужен ацетон, для отбеливания. На выпускной платье нужно отбелить. Выручи, пожалуйста! Попроси кого-нибудь из твоих взрослых друзей купить ацетон.

— А папа что? — спросил он.

— Папа не может. Я же и прошу тебя, потому что он — не может. — Кира замолчала и как будто ощутила недостаточность в своём голосе, в своей речи. — Женечка, пожалуйста, мне больше не к кому обратиться. Я отблагодарю тебя.

***

Евгений, протягивая ей на перемене небольшую бутылочку с жёлтой полосой, обозначающую чистый ацетон, чего-то ждал.

Кира смотрела на неё, как на сверкающий алмаз. А потом спросила, взяв в руки и спрятав:

— Кто ж это?

— Илья.

У Киры пропала улыбка: на лице-то осталось её подобие, да правда косое. Неприятен ей был Илья.

— Спасибо, — прошептала она почти неслышно и приблизилась, чтобы поцеловать Евгения в щеку. Поцеловав один раз, поцеловала и второй, ближе к губам. — Спасибо. Ты — друг. Пока!

Убежала, только волосы её развевались, стараясь догнать бесноватую хозяйку.

Дома она сложила полученное вещество в коробку с другими. Коробка находилась под кроватью, в очень укромном месте. Там, разлитые по разным бутылкам и колбам, подписанные химическими формулами, стояли ацетон и перекись водорода; серную кислоту Кира хранила на улице, опасаясь быть пойманной воровкой...

Безумный

Всё время он был подавленной стороной, к которой не проявляли ничего, кроме сострадания. Оно оканчивалось словами, и ему было больно. Обычная боль, да только приумноженная. Гладкое равнодушие, свойственное дню.

В окне он видел пресную воду, а во сне болезненный образ человека, который говорит: «Нет, я тебя не люблю». Затем эти слова, по всей вероятности, ломают в человеке волос благоразумия, данный Вселенной, и рассудок укореняется глубоко в потаённую божественным смыслом землю. Оттого многим кажется неприятным то зрелище, когда любящий и обыденный человек вдруг теряет прежний настрой и становится вестником апокалипсиса. К вышеописанному добавляется посттравматическое чувство привязанности к другому человеку, знающему или личную связь его с образом из сна, или исключительно детскую близость допотопных времён.

Человек, видящий и чувствующий это в себе, обнаруживает неспособность мозга придерживаться своих обетов. Он, как правило, не возьмёт во внимание временность этой печали, ему захочется закурить или нарушить гормональный баланс, тем самым подвергнуться уничижению. Интересно, что это осознаваемо человеком как кратковременное и следственное образу из сна или образу доверия, любви, привязанности; часто вторым образом становятся неродной брат или сестра, тётя или дядя, бабушка или дедушка и проч. Его ситуация узкого направления: где-то утерян целостный видеоряд, на котором в нормальных жизненных условиях должен был записаться спектр воспринимающихся человеком амбиций. К таким можно отнести строящиеся на социальности, взаимопонимании, совестности, честности.

Он это получил и усвоил, подобно кровь — сахар. Говорить о нём как о слабоумном не стоит с тем основанием, что он может признать, разрыхлить, если так будет удобнее, почву своих патологий; следовательно, кто-то назовёт его безумным, и это буду я.

Methanol

Однажды вечером лаборант Рацпиентов задаётся вопросом: возможно ли добиться употребления метилового спирта в наркотических целях? Если изопропанол имеет антисептическое свойство, если этанол утверждён как компонент напитков, то что можно сказать о метаноле? Опасный яд для перорального приёма, влекущий смерть. Всё дело в дозировке, думает Рацпиентов, два предыдущих спирта вызывают смерть не так скоротечно, но вредят организму человека постепенно, убивая его. Alcohol многоуважаем тысячелетиями, его использование может быть самым разным.

Только сперва хочу отказаться от ответственности как рассказчик. Я был знаком с описываемым лаборантом и проявляю к нему научную доблесть посмертно. Как он умер — это выяснится позже.

Так, вопрос о новом использовании метанола возникает у лаборанта Рацпиентова не спонтанно, а вследствие размышлений после прочтения «Морфия» (он отдаёт чтению почти столько же свободного времени, сколько изучению латыни). И хотя я не могу назвать Рацпиентова врачом и тем самым не обмануть вас, я могу припустить, что человек его бунтовского характера, по каким-либо причинам не ставший маргиналом, близился к запретному и, обладая таковым знанием, мог самостоятельно исполнить quantum satis своих желаний. Прочтение повести Булгакова навлекает на него воодушевление медициной. Он описывает гордость, когда осознаёт, что находится в химическом ремесле, как рыба в воде, ему не затруднительно сопоставить прочитанное и увиденное. «Морфий» больно колит самолюбие лаборанта, так как читается во время серьёзной психологической зависимости от вещества, скрытого им, вольно или против воли, в дневниках; это было скрытие монотонного движения — перечёркивание. Рацпиентов повторяет его на всех страницах.

Полагаю, вещество послужило прекурсором. Не знаю, и упоминаю об этом во второй раз: вольно или против воли, вещество было скрыто от глаз читателя.

Рацпиентов пишет, что сумел достать 0,5 l метанола. Он указывает место, в котором собирается проводить эксперименты: этим оказывается дом в сельской местности, доставшийся ему от родителей. Первую неделю после начала лаборант ещё ездит обратно домой, чтобы не пропустить обучение; а возвращается ровно до тех пор, пока метиловый спирт не начинает своеобразно реагировать с одним из перманганатов. Длительное отсутствие в университете он обыгрывает своей внезапной болезнью, получает справку и засиживается в загородном доме. Уже состоявшуюся лабораторию Рацпиентов дополняет привезёнными с магазина бытовой химии веществами, обознает каждую ёмкость наклейкой с экстатическим удовольствием.

Раципиентов сталкивается с трудностями определения пищевого свойства полученного вещества и ловит мышей. Он решает использовать их как дегустаторов. Так, он пишет о первой пробе кормления мышей:

Разбавил метанол окислителем. Пипеткой пою мышь... паралич дых. центра через 6 минут.

Мыши Раципиентова умирают без отличий, одинаково с комой и судорогой. Лаборанту кажется недостаточной подготовка, и он возвращается в университет, чтобы заполучить реагенты; ему это не удаётся по причине их надёжного сокрытия. Неудача становится неожиданностью, так как обыкновенно за реагентами не следят ввиду их частого перемещения по аудиториям. Раципиентов успокаивает себя тем, что нужно для синтеза попросту бы не оказалось в университете. Для создания наркотика требовались трудные в исполнении реакции, безопасная лаборатория и условия широкого выбора. Он не обладает ничем этим, что затрудняет дальнейшие эксперименты.

Раципиентову всё сложнее бороть зависимость, и он связывается с человеком, поставляющим ему фармацевтические наркотики; на этой почве он решает изготовлять новый метанол с теми веществами, воздействие которых ему уже знакомо: закупает множество противоэпилептических и седативных препаратов и отказывается от перманганата (его тревожит окисление до формальдегида). Кодеин, растворимый в метаноле, — пишет Раципиентов, — возможно, исключит фатальное отторжение.

Утверждение лаборанта не отвечает действительности, когда напоенная мышь замирает и впадает в кому спустя два часа. В своих долгих размышлениях Раципиентов приходит к тому, чтобы изменить способ введения метанола: таким образом, он колит в мышь 20 μl смеси метанола и кодеина и ждёт ответной реакции, которая наступает парезом брюшка. Пагубное воздействие Раципиентов анализирует с точки зрения метаболитов. Он уверен в том, что реакцию окисления можно направить в психотропное русло.

***

При первом прочтении дневника Раципиентова я не замечал очевидное несоответствие описаний...

Несколько страниц Раципиентов исследует природу новых смесей на мышах, где терпит неудачу в виде ожидаемой смерти. Он описывает следующий синтез: смешав метанол с примесью опиата и уксусную кислоту, получает метиловый эфир уксусной кислоты. При повторном поении мышей Раципиентов отмечает время наступления смерти — на двенадцать часов позже. Полученный эфир становится объектом массовых опытов, которые вскоре приводят Раципиентова в практический ступор: хотя мышь функционирует всё дольше, в конечном счёте яд берёт верх; также Раципиентова мучает мысль о том,

что видят и чувствуют мыши перед смертью.

До тех пор, пока смесь не станет безопасной, пишет Раципиентов, он не осмелится попробовать и капли.

На второй неделе лаборант создаёт кустарный гидролиз:

Подумал так, что расщеплю кетамин каус. содой.

С этого момента хочу оговориться. Я утрачиваю чувство доблести к тому граниту науки, который грыз Раципиентов. Взялся за трактовку дневника по причине смерти Раципиентова и из-за того нового метанола, который стали продавать два подпольных врача. Эти люди не просто помогли реализовать проект, но и послужили ему мышами-дегустаторами.

Так, он помогает двум студентам пройти в аудиторию и делится своими экспериментами над метанолом. Лаборант замечает их заинтересованную вежливость относительно его проекта и связывается со студентами вне университета. Они видятся первый раз у него дома, где Раципиентов представляет лабораторию и многочисленные пробные смеси, на что студенты рассказывают всю правду, обозначаются врачами и протягивают Раципиентову руку помощи; их имена не упомянуты в дневниках.

Врачи располагают Раципиентова в подпольной химической лаборатории.

***

Врачи приютят лаборанта и выделят личный бюджет на приобретение галлюциногена. Раципиентов пишет: их дружественность смущает его, но он не имеет права смущаться. Вскоре станет известно, что в подполье выращивается спорынья.

Расщепив кетамин, лаборант теряет молекулу и погружается в странное апатичное состояние: ничего не пишет месяц. Через два меня известят о его смерти — острая дыхательная недостаточность с параличом. Врачи предоставляют мне дневник как человеку, чей адрес Раципиентов выписал на полях.

Могу ли я печатать записки, подаренные мне?

Могу. Печатаю.

Дегенерация

Метан передвигается по газовой трубе. Я взволнован и напуган предстоящим взрывом. Удастся ли мне исполнить то, что я задумал?

Когда мой топор опустится на шарообразную поверхность трубы, она отколется на разветвлении к счётчику, так как истончается. Бесцветный газ начнёт поступать в помещение и медленно плавать под потолком. Я должен буду герметично заклеить вентиляцию, чтобы не допустить рассеивания, а также находиться на кухне до тех пор, пока концентрация газа не достигнет какого-нибудь утешающего меня числа; после этого мне следует закрыть окно — так я предостерегу свой план от провала и увеличу взрывной импульс, который при детонации выберет наиболее слабое место для вторжения в его объективную целостность. Сколько нужно для взрыва? Если верить им на слово, 9-10% метана в соотношении с кислородом достаточно для сокрушительного фейерверка из газовой плиты, холодильника и белой пластиковой рамы окна евроремонта.

Перед тем, как устроить взрыв, мне нужно продумать устройство детонации, — но я уже продумал! Им буду я, зажигающий спичку в запертом, удушливом помещении кухни, отсчитывающий секунды до попадания в пантеон.

Террор

Ведаете с той же осторожностью, с какой женщина в юбке сводит ноги, сидя на ступеньках. С той же прямолинейностью, с какой отец говорит о половом воспитании сам того не замечая, ведаю я.

Одна девушка

Две девушки сидят на крыше завода, освещённые закатом. Одна из них надела серую толстовку с изображением рок-группы. Имя девушки начинается на букву «Т». Она мила и обыдена, её не покрывают готические тату, ноги недельной небритости, и волосы — они такие пахнущие, но не общепринятой ванилью, а той добротой, какая свойственна непомрачённым людям. Она думает: ей бы забыться, да только грешно покидать свою близкую подругу, сестру по духу, в этой урбанистике; думает, не имеет морального права. Лучше, если вместе плакать от горя, не раздельно, не в разных странах, озабоченные заработком, а в одном доме, возможно слегка пьяные сангрией. Затем наступает время, которое тесно граничит с детским сном, счастливое время, проходящее незаметно, но оттого запоминающееся на многие годы. Она старательно мечтает посетить вместе с ней лес, не задумываться о том, как звучит твой смех, обращённый в ответ на шутку во время наступления приятной послевечерней темноты, не беспокоиться, что сок шелковицы повлечёт неопрятность.

Они провели бок о бок лето, тогда казавшееся красным, и остались такими же бледными. Ей бы хотелось отрывать кожуру мандарина с той мыслью, что большая часть, самая вкусная, достанется подруге.

В этом лесу будет пахнуть природой, а не людьми, потому что люди — дурно пахнут. Особенно те, которые скапливаются в городских дюнах и дышат пылью дорог; это всё так грязно. Можно ли найти место, куда ступала нога настоящего человека? Наверное, это невозможно. Стоит радоваться белому туману над землей.

Её подруга такая же женщина, и у них обеих присутствует та нежность в движениях, благодаря которой цветок срывается аккуратно, не истекая собственным маслом. К тому же она совсем одинока.

Сейчас, находясь на крыше с ней, наступает новая радуга. Каждое воспоминание, как комар, незаметно вторгается в тело. Скоро закат закончится и нужно будет покидать пределы цеха, идти по тьме или прозрачной тьме, выбираться из этого места, стремясь домой. С одной стороны, правильно и разумно вернуться в тепло, с другой — хотелось бы побороть слабость и ранимость и остаться на крыше; более того, заснуть в обнимку.

Кто спит, тот видит только сны. Ну и что?

Сырой

Когда собираешься сделать назло, губы проговаривают речь разочарования. Ты это сделаешь назло и только, не будет передышки на спокойствие. Со временем слова ослабевают, и кажется, что не нужно выдумывать велосипед. Ты ожидаешь столкновения, вынужденный жертвовать собственными потребностями, полагаясь на Вселенную — её способность разрешать конфликты — внутренние или внешние, — в одно неожиданное мгновение. Ты встаёшь на пластину капкана. Страх поднимается, заменяя холодную уверенность человека, который репетирует перед зеркалом сырое: взгляд, тон и смысл. Ноги у него болят от непрерывной ходьбы, однако это не мешает ему улыбаться: в голову приходят более эффективные мысли, разоружающие его как оратора и побуждающие на коллективный диалог. Присутствие определённого человека, уважаемого обеими сторонами, гарантированно решит проблему.

Во рту пересохло от шёпота. Пот скапливается на пальцах от предвкушения. Побаливает голова и часы спешат. Слушающий сырого будет помят и встревожен, лакая растекающуюся надежду ультиматума; слушающий будет давить на пружину личных взаимоотношений, — не тех, что связаны чужими подстрекательствами со стороны. Но неприятно нарушать хорошее настроение человеку, а надо.

Я видел это во сне: не содержание, но сырость абсурда, который не покидает наш мир, хотя нам так кажется. И мы придаём этому наваждению большой смысл, забывая о суете сует и о том, что всё — суета.

Суеверный господин

Страх господина определяли порчи. Он не усомнится в том, что пробежавшая дорогу чёрная кошка принесёт ненастье в его семью и пригонит буревестника на его улицу. Исходя из этого господин уважительно и свято относится к тем женщинам, которые катают яйца и засушивают помеж страниц диковатые травы. Если вы, по неосторожности своей, пожелаете господину что-то нелицеприятное, он будет иметь обречённый вид целый день и вскоре посетит цыганку:

— Что у тебя?..

Господин, по вашей вине напуганный, едва соберёт слова в кучу:

— Да прокляли меня… Снова прокляли…

— Кто?

— Ну кто?.. Люди. Кто еще? Люди меня хотят в могилу свести! Они говорят, чтоб типун мне на язык, чтоб засохло там... А недавно так и вовсе пожелали, чтоб я умер.

— Страшные слова, — качнёт головой она. — Я тебе помогу. Денег не возьму, не предлагай.

Как цыганка кончала обряд, господину тогда сердце и отпускало. Нахлынувшее облегчение совсем не вязалось с грустным лицом женщины, и это побуждало его дать денег принудительно.

Цыганка посмотрит на деньги, как на порок, но затем будто бы сделает одолжение:

— Ну давай! Сотню лет проживёшь. Красавицу дочь вырастешь. Разбогатеешь...

Он уйдёт очень счастливый.

Но стоит ему проснуться от удара в окно и обнаружить птицу, залетевшую в дом, так тревоге конца нет. Он, ведь, боится: кто смыслит, что означает эта птица? Хоть бы не гибель, думает господин!

Любое происшествие сеет в нём опасения. Он больше не может так жить; где взять силы на всё то, о чём гадает цыганка? Совсем не хочет детей, и как-то стал он аскетичен, ведёт образ жизни не то отшельника, не то онаниста.

Возможно, вопрошаете: почему же господин не уйдет в монастырь? На этот вопрос есть ответ, который хотелось бы забрать с собой в могилу. Однажды в доме господина разбилась икона; когда неуклюже собирал осколки, повредил себе руку, и с того дня не притрагивается к стеклу уверенный, что оно противоречит библейскому канону о «Не убий».

Попугай

Придя домой поздней летней ночью фермер обнаружил дома клетку с попугаем. Его удивило само присутствие этих двух объектов. Странным было увидеть птицу с оперением Рио-де-Жанейро. Никогда фермер не желал завести папугу, а тут — уже всё оформлено: попугай заперт в клетке. Отвлёкшись от пития воды, он презрительно уставился на фермера, который застыл на входе. Однако сперва ему стало смешно, ведь он припустил, что попугая занесли в его отсутствие соседи (здесь стоило прервать себя и понять, что у соседей, как и у него, никогда не было попугая). Но кто бы решился оставить птицу в чужом доме без разрешения? Более того, двери, несомненно, были закрытыми. Он честно признался: это глупость, которую он не может объяснить никоим образом, даже припуская мысли о родственниках, имеющих ключи; это тоже глупость, учитывая уверенность фермера в том, что все близкие его очень далеко от места жительства его. Никто не мог пробраться внутрь незамеченным и оставить здесь клетку с живым попугаем, которого следует кормить и лелеять должным образом. Фермер не желал этого делать: ему не хватает времени на себя. Стало быть, этому попугаю нужен особенный корм, который фермер не может себе позволить. Ежедневная работа изнуряет его, близится осень, и требуется заготовить сено. Совсем не привлекает его перспектива жить с попугаем; он, полагает фермер, много кричит.

Так что оправдывает существование попугая в его доме? Фермер разводит руками: ничего. Поэтому он берёт клетку и выходит на улицу, где ставит её на дорогу, и возвращается домой.

Грибы

Относительно спокоен с сегодняшнего дня. Умеренно тавтологичен. Взять любой каприз и погладить по голове, стоит так делать, чтобы не оскорбиться. Я читаю книги и довольствуюсь полученными знаниями — философскими стихами, сильными дождями, то есть ливнями, тёплой одеждой. Всегда пишу от «я», третье лицо умопомрачено.

Человек

Что мы знаем о наркотической зависимости? В первую очередь, что безусловно, мы знаем о ней меньше тех, кто хотя бы раз употреблял ядрёный яд; такие люди могут нам рассказать больше, чем справочник. Во вторую очередь, мы знаем симптоматику зависимости — как она проявляется физически и психологически; однако... Что я хотел сказать? Помогите человеку. Я пишу это не от игривости.

Стоматит

По ночам слышу вой преждевременных волков, которые всеми силами пытаются вызвать во мне ужас, запредельный ужас, кошмарный ужас, пещерный ужас. Так или иначе, им это не удаётся сполна — отчасти удаётся, поспорить здесь не имею права, но вместе с тем уверенно продолжу отстаивать своё бесстрашие. Эти волки являются то ли сущностью, наделённой материальной подоплекой, то ли какой-нибудь другой, неизмеримой людьми вещью; так будет удобнее понять, что я имею в виду, и поэтому разделяю всё сущее и не сущее на материю и вещь. Материя в моём случае живая, а вещь — не живая. Географически, материя тоже не живая, но я говорю не географически.

Меня мучает всего одна мысль: когда закончится стоматит? Этот вечный болезненный порок на десне заставляет меня трепетать. Сколько бы я ни прочитал книг, мне кажется, что я ничего не знаю. Таким образом подплываю к истокам о «Всё течёт». Хочется вскинуть руки в помешательстве и заплакать, упасть у окна и сорвать своим телом шторы. Такие движения принесут мне боль, которая замедлит боль от стоматита. Но я опечален тем фактом, что даже подавив стоматитную боль остаюсь терпящим государственную боль. Под этим выражением я подразумеваю, конечно, злобу на вождя. Некоторые выплёскивают злобу через гражданскую войну, а другие, как я, умываются в своих квартирах водой, слыша волков. Этот поток сознания, в первую очередь, о волках, а не о поучительном мотиве и отвержении политики. Я не противник безвластия! Политика для меня очень пошлое прикладное ремесло; я не осмелюсь назвать всю пошлой, ведь понимаю и о том времени, когда она не имела ничего связующего с картиной нашего мира. Ударяясь в это дерьмо (и при этом ни разу не взяв в руки «Государь»), я опускаю сам себя в глубокую беззащитную перед софистами яму. А что знаю я? что могу сказать этому софисту в ответ? Например, силлогизм на примере Аристотеля.

Нет, я уверен в этом и пытаюсь уверить читающих: стоматит это вовсе не политическая яма. Я же говорю о другой боли. Может быть, о тошноте, которую чувствует человек, осознающий абсурд? Я бесконечно много неправ! Самым главным утверждением считаю: то, что загадано человеком, разгадываемое; но то, что человек считает загаданным, загадкой и не является!

Мне становится легче отсеивать противоречивые мысли, кружащиеся вокруг меня по ночам. Эти-то мысли я и именую волками.

Но всё же я хотел быть спокойнее и разузнать о стоматите. Что это на самом деле? Неспособность индивида запрячь лошадь науки — это не стоматит, но глупость. Неспособность индивида видеть красоту неба (когда ему подчёркивают об этом) — не стоматит, но слепота. Стоматит — нечто большее. Совсем не понимаю, что это.

Я могу обратиться за помощью к двум столбам мира — богу-вселенной и любви-человеку. Их ответы мне нужно сочти за истину.

Декабрь 2025 — январь 2026 гг.

Комментарии

«Грибы» отражают подлинное состояние смешивания ежовика и мухомора в общей дозировке 3 g.

«Кира Бабушева» не вошла в серию «Садизм» и написана раньше указанных дат сборника.